

Татьяна Щитцова

СОЛИДАРНОСТЬ

ПОТЯСЁННЫХ

Эссе
о Беларускай
рэвалюцыі

В книге анализируется протестное движение в Беларуси 2020 года, которое было вызвано фальсификацией результатов президентских выборов и применением насилия со стороны властей.

Исследуются ключевые предпосылки и структурные условия, которые сделали возможной Беларускую революцию.

Автор сосредоточивается на вопросе: каким образом появляется новое «Мы» — солидарное протестное сообщество, стремящееся реализовать конституционное право «народа» быть источником и носителем суверенитета Республики Беларусь?

В своих размышлениях автор опирается на непосредственный опыт участия в протестном движении.

Философский вопрос о становлении нового коллективного политического субъекта сочетается с полидисциплинарным характером исследования. В ходе анализа задействуются подходы социальной и политической теории, социологии и антропологии, а также используются материалы интервью, проведенных в Беларуси в 2020–2021 годах.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся вопросами политического участия, демократической солидарности и сопротивления авторитаризму.

CONDITIO HUMANA

ЕВРАПЕЙСКИ ГУМАНІТАРНИ УНІВЕРСИТЕТ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Татьяна Щитцова

СОЛИДАРНОСТЬ ПОТЯСЁННЫХ

Эссе о Беларускай рэвалюцыі

Вильнюс
ЛОГВІНАЎ

Серия «Conditio humana»
Центр исследований интерсубъективности
и межличностной коммуникации

Рекомендовано к публикации
Академическим департаментом социальных наук
Европейского гуманитарного университета
(протокол № 37S-7 от 19.03.2024 г.)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

ВАЛЕРИЯ КОРАБЛЕВА,
докторка философских наук,
доцентка кафедры российских и восточноевропейских студий,
руководительница исследовательского центра
«Украина в меняющейся Европе»,
Карлов университет, Прага

АНДРЕЙ ГОРНЫХ
кандидат философских наук,
профессор Департамента социальных наук,
Европейский гуманитарный университет, Вильнюс

ISBN 978-609-492-043-1

© Татьяна Щитцова, 2024
© Европейский гуманитарный университет, 2024
© Серия «Conditio humana», 2024
© Lohvinau Publishing House, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Прадмова.....	5
Введение	
1991–2020: БЕЛАРУССКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПУТИ К НОВОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ.....	8
Часть 1.	
ОБОСТРЕНИЕ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ В ПРЕДВЫБОРНЫЙ ПЕРИОД	27
Глава 1. Живое и мертвое.	
Пандемия и биополитика	27
§ 1. Политика жизни. Шанаваць	29
§ 2. Биополитика и суверенная власть	36
Глава 2. Электоральная перипетия	54
§ 1. Тщетные попытки обновить колею: праймериз и авторитаризм с человеческим лицом	56
§ 2. Конститутивные принципы предвыборной мобилизации: контингентность, гегемония, политическая триангуляция.....	65

Часть 2.	
«СОЛИДАРНОСТЬ ПОТРАСЕННЫХ».	
СУВЕРЕННАЯ ВЛАСТЬ И ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ	108
Глава 1. Потрясение	113
Глава 2. «Что-то выше страха».	
Политическое возвышенное Беларусской	
революции и понятие травмы	128
Глава 3. Народ против тирана. Тяжба о суверенитете	158
§ 1. Демократическое множество и суверенитет.....	175
§ 2. Мобилизация уязвимости.	
Сила бессильных. Императив шанаваць	214
§ 3. Трываласць и время: становление	
коллективного политического субъекта.....	224
Заключение	
БЕЛАРУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 2020-ГО	
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: КРОКІ Ў БУДУЧЫНЮ	262
Библиография	293

Ідзі і развагі, якімі я дзялюся ў гэтай кнізе, пачалі фармавацца непасрэдна ў 2020-м, калі я далучылася да пратэстнага руху. Некаторыя з іх, у больш папулярнай і, так бы мовіць, «мабілізацыйнай» форме ўвайшлі ў розныя публікацыі, якія я рыхтавала для незалежных СМІ і экспертных пляцовак, альбо посціла на сваёй старонцы ў ФБ цягам некалькіх год. Менавіта ўдзел у пратэстным руху зрабіў мяне публічным інтэлектуалам. Вельмі спадзяюся, што сярод чытачоў гэтай кнігі будуць і тыя, хто раней чытаў маю публіцыстыку і адгукаўся на яе. Нягледзячы на акадэмічны фармат, кніга пісалася для больш шырокай аўдыторыі, у першую чаргу — для тых, каму яна ўласна і прысвечаная — вялікай колькасці беларусаў/беларусак, якія сваімі дзеяннямі і эмоцыямі, крэатыўнасцю і сумленнасцю, салідарнасцю і адвагай зрабілі 2020-й год гістарычнай вехай у жыцці нашай краіны.

Калісьці адзін вядомы беларускі інтэлектуал напісаў мне ў ФБ: «Віншую з Рэвалюцыяй!». Ён меў на ўвазе ўнікальную магчымасць для філасофскага мыслення быць датычным эпохальнай падзеі, якая мяняе рух гісторыі. У 2020-м натхненне ад такой датычнасці перажывала большая частка ўсяго нашага грамадства. І, зразумела, чым больш актыўна ўдзельнічалі людзі ў розных формах супольнага супраціву, тым большым быў іх энтузіязм, бо маштаб салідарнасці вызначаў і маштаб перспектывы. Эпохальнай

падзеяй былі самі гэтыя людзі, іх шматлікая супольнасць. Тое, што яна з'явілася, і было ў пэўным сэнсе сацыяльнай рэвалюцыяй. Можна сказаць, што гэта была рэвалюцыя не ў паліталагічным, а ў філасофскім сэнсе, бо яе здабыткам сталася не змена ўлады, а з'яўленне новага калектыўнага палітычнага суб'екта, структурныя асаблівасці, прынцыпы і дзейнасць якога расчынілі новую перспектыву для будучыні нашай краіны.

2020 прынёс адчуванне, што мы — нашы зносіны і ўзаемадзеянне, камунікацыя і ўзаемадапамога — і ёсць краіна. Менавіта таму мы нібыта адкрылі для сябе краіну нанова, яна перастала быць абстрактным паняткам — уцялеснілася ў людзях навокал, якія перасталі быць «староннімі». Палітычнае ў нашай рэвалюцыі мела першапачатковае старажытнагрэчаскае значэнне: грамадзяне, якія чуюць і хочуць чуць адно аднаго, каб разам вызначаць прынцыпы свайго супольнага жыцця. Новыя дваровыя супольнасці, у некаторых з якіх (у Менску) мне пашчасціла выступаць з лекцыямі, сталіся пераканаўчым сведчаннем вялікага патэнцыялу самакіравання для беларускага грамадства. Праз супольныя пратэстныя акцыі нам адкрывалася палітычная перспектыва нашага «разам», якая ўключала і новае пачуццё цікавасці адно да аднаго.

Кніга выходзіць у 2024-м. Гістарычная дыстанцыя, якая аддзяляе нас ад 2020-га звязаная з такім палітычным досведам і праблемамі, якія не спрыяюць рамантызацыі нашай рэвалюцыі. Гэта і не з'яўляецца маёй мэтай. Але я ўпэўненая, што тое, як трымаліся беларусы гэтыя чатыры гады і на што выявіліся здольнымі як супольнасць — захоўваць сябе і дапамагаць адно аднаму ва ўмовах жорсткіх рэпрэсій, будаваць і развіваць новыя супольныя праекты за мяжой, прасоўваць «беларускае пытанне» на міжнародным узроўні і нават вучыцца дэмакратыі праз

стварэнне новых палітычных інстытутаў — усё гэта будзе на менавіта на здабытках 2020-га.

Вядома, фундаментальная трансфармацыя супольнасці ўключала істотныя зрухі і змены і на індывідуальным ўзроўні. Тысячы людзей могуць распавесці, як змяніліся ў кантэксце рэвалюцыі і яе наступстваў. Мы памятаем, як у 2020-м набыў новы сэнс і папулярнасць песенны радок «Мы не знали друг друга до этого лета». Да яго трэба дадаць: кожны/кожная паасобку не ведалі і саміх сябе — на што здольныя, кім могуць стаць, як можа змяніцца іх разуменне сябе і грамадства. Тое, што я пішу гэтую прадмову па-беларуску — таксама сведчанне зрухаў, выкліканых нашай рэвалюцыяй і, канечне, вайной ва Украіне. З канца 2021 года, калі я далучылася да Офіса Святланы Ціханоўскай у якасці дарадцы па адукацыі і навуцы, маё ўжыванне беларускай мовы ў паўсядзённай камунікацыі пачало паступова пашырацца. То-бок, пакуль я пісала кнігу па-руску, мая моўная ідэнтыфікацыя пакрысе трансфармавалася. У рэшце рэшт, калі кніга была скончаная, я вырашыла напісаць да яе прадмову па-беларуску. Хто прачытае кнігу да канца, зразумее, што такім чынам пачатак кнігі падмацоўвае пазіцыю, сфармуляваную у канцы.

Я хачу шчыра падзякаваць навуковым рэцэнзентам — Валерыі Караблевай і Андрэю Горных за іх змястоўныя крытычныя заўвагі і парады, якія дапамаглі мне ўдакладніць некаторыя важныя тэзы кнігі.

ВВЕДЕНИЕ

1991–2020: БЕЛАРУССКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПУТИ К НОВОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Часто приходится слышать, что даже незадолго до распада Советского Союза мало кто мог представить себе, что такое возможно. Тогда «невозможное» обрушилось на нас как следствие чужого решения, итог событий, на которые мы — *простые советские граждане* — никак не могли повлиять, нам оставалось только адаптироваться. 2020-й год стал в Беларуси началом новой эпохи, потому что сами граждане выступили как субъекты исторического политического решения. При этом, как ни парадоксально, Белорусская революция оказалась не менее неожиданным событием. Даже в первые сутки после президентских выборов, когда начались первые протестные акции, никто не мог вообразить, какая волна народного протеста поднимется буквально через несколько дней. Мы не знали, что способны на это. Не знали, на что способны сами, на что способны другие, и все мы *разам*. Потрясение, через которое мы прошли, — главная движущая причина появления этой книги. Потрясение и удивление: как это стало возможно?

Сегодня, когда в нашем регионе идет война, мы яснее понимаем, что массовый протест против авторитарного режима был одновременно попыткой распрощаться с советским политическим наследием в Беларуси, включая государственные аппараты насилия, которые

функционируют как в интересах Лукашенко, так и в интересах Путина. Военный союз двух диктаторов и их активные действия по дальнейшей интеграции Беларуси и России позволяют осмыслять демократическое протестное движение 2020-го также и в терминах национально-освободительного движения¹. В этой связи многие аналитики отмечают, что война России против Украины — это последний этап затянувшегося на десятилетия распада СССР или, если посмотреть со стороны агрессора, — последняя попытка удержать и сохранить «советскую империю»².

Самая главная позитивная трансформация, которая произошла с нами после возникновения независимого белорусского государства и принципиально отделяет нас от советского периода, относится именно к 2020-му году: это появление многотысячного сообщества граждан, способных к самостоятельным солидарным действиям ради общих политических целей, общего блага. Другими словами, начало постсоветской эпохи в нашем регионе совсем не обязательно — и не сразу — означало «не-советской».

¹ В этой связи важно напомнить об общественной кампании «Свежий ветер», которая в декабре 2019 года организовала акцию протеста против интеграции с Россией. Подробнее см.: Богуславская А. Белорусы протестуют против интеграции с Россией. DW. 07.12.2019: <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8B-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D1%8E%D1%82-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%B8%D0%B-D%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%81-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B9/a-51572421>.

² Ср.: «Исчезновение Советского Союза было предпоследним актом великой, кровавой драмы послевоенной деколонизации и служило лишним подтверждением того, что если демократия и появлялась в Европе XX в., то это происходило в политических формах национальных государств (это не означает, что всякое национальное государство оказывалось демократией)». Мюллер Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века. Москва: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 387.

История трансформаций бывших советских социалистических республик — это история постепенного преодоления path-dependence, зависимости от советского прошлого. Среди европейских постсоветских стран Беларусь, опережая Россию, пошла по пути переработки советского авторитарного наследия в «превращенную форму» постсоветской автократии³. При этом режим Лукашенко в своей политике, идеологии и официальной риторике демонстрировал — и нарочито подчеркивал — больше скреп с советским, нежели режим Путина.

Однако, к последним президентским выборам Лукашенко пришел с той же проблемой, что и коммунистическая партия СССР к 1990 году: утратой морального авторитета и идейного лидерства. Под давлением массовых демонстраций руководство СССР пошло тогда на чрезвычайную меру, исключив из советской Конституции статью о монополии КПСС на власть: колосс дал трещину, за которой вскорости последовало и полное разрушение. Важно отметить, что стремительное крушение советского коммунистического проекта в период с 1989 по 1991⁴ было контекстуально связано с чередой «бархатных революций» 1989 года, положивших конец коммунистическим режимам в Центральной Европе. Массовый демократический протест против режима Лукашенко в 2020 г. разворачивался в существенно ином международном контексте, который мог, скорее, укреплять веру Лукашенко в перспективность авторитарного правления, несмотря на отчетливые признаки кризиса народного доверия к его президентству.

³ См.: Минаков М. *Диалектика современности в Восточной Европе. Опыт социально-философского осмысления*. Киев: LAURUS, 2020.

⁴ Значимые события этого периода: 1989 — первые в СССР альтернативные выборы народных депутатов; 1990 — выборы в Верховные Советы союзных республик.

Синхронизация белорусского авторитарного режима с новыми автократиями и антилиберальными тенденциями в ряде европейских стран создала видимость попадания Беларуси в генеральные тренды социально-политических трансформаций в европейском регионе, в результате чего некоторые эксперты даже предложили переименовать белорусского правителя из «последнего» в «первого» диктатора Европы. Однако важно видеть также существенные различия в этом вопросе. Новейшие правые и авторитарные тенденции в европейских странах обусловлены разочарованиями в той модели демократии, которая сформировалась на почве неолиберального капитализма и долгое время считалась образцовой и безальтернативной⁵. Белорусский авторитарный режим возник и вплоть до сегодняшнего дня удерживает власть в силу совершенно иных причин, связанных, в первую очередь, с советским наследием в социально-политическом устройстве белорусского государства.

Формирование и устойчивость режима Лукашенко в первые десять лет правления были обусловлены соответствием его политического курса базовой потребности людей в обретении более-менее стабильной социально-экономической опоры после краха СССР. Как и в других постсоветских странах, распад Советского Союза был встречен в Беларуси противоречивыми переживаниями: экзистенциальная тревога из-за утраты привычной мировоззренческой системы координат и государственной системы социальной защиты сочеталась с надеждами на

⁵ Американский философ Фрэнсис Фукуяма стал в этой связи автором глобального философского мема о «конце истории» после публикации им одноименной статьи в 1989. Русский перевод статьи см.: Фукуяма Ф. Конец истории? Вопросы философии, 1990, № 3. С. 134–148.

возможность построения принципиально иного общества. Надежды, пробужденные еще на этапе Перестройки, были связаны с двумя генеральными направлениями: либерализацией (включавшей переход к рынку и демократизацию социальных институтов) и возрождением национального сознания. Поэтому общественно-политическое движение, которое в конце 80-х составило реальную альтернативу коммунистической партии, было национально-демократическим — его название заключало в себе сильный мобилизующий месседж: Беларуский Народный Фронт «Адраджэнне». Однако после распада СССР проект национального возрождения, продвигаемый БНФ, не смог конкурировать с предложением, которое исходило от Лукашенко на первых президентских выборах в истории независимой Беларуси. Представая в сознании избирателей как альтернатива советской коммунистической власти (воплощенной тогда в фигуре В. Кебича), Лукашенко дал понять, что его курс — это, фигурально выражаясь, сохранение СССР в отдельно взятой стране, только... без коммунистической диктатуры. Никто не думал тогда, что популистская победа молодого кандидата приведет к новой диктатуре: после референдума 1996 года не только либерально-демократический принцип разделения властей, но и партийная модель распределения ответственности были отклонены первым президентом, не желавшим никаким образом ограничивать свою власть как суверена. Так произошла квазиархаизация государственной власти: форсированный переход к *patria potestas*, власти Хозяина, которая чем дальше, тем больше обнаруживала черты *hybris*.

Таким образом, среди европейских стран возникшего на карте «постсоветского региона» в Беларуси уже в 90-е годы обозначились реверсивные тенденции: с приходом к власти Лукашенко началось подавление национальной

культуры и укрепление авторитарного управления во всех сферах общественной жизни. Новый авторитарный режим, с одной стороны, выступал наследником советской системы (тоталитарных институтов, социалистической экономики, идеологических/исторических мифов, ценностных стереотипов), с другой — последовательно осваивал возможности, связанные с включением Беларуси в контекст глобального капитализма. Эта амбивалентная ситуация в сочетании с локальными социокультурными факторами не вписывалась в логику популярной концепции «постсоветского транзита» — доминирующей модели интерпретации постсоветских трансформаций в терминах догоняющей модернизации, или подражания западным либеральным демократиям.

Закрепление авторитарного режима в Беларуси в значительной степени объяснялось многолетней гражданской пассивностью — политической индифферентностью — большей части населения страны. Бессилие и неконструктивность традиционной оппозиции были проявлениями более фундаментальной проблемы — слабости гражданского общества. Устойчивость режима Лукашенко основывалась на специфическом «социальном контракте»: согласии граждан на политическую лояльность взамен на базовые социальные блага со стороны государства. Этот контракт позволял многим, особенно в периоды либерализации, более или менее успешно выстраивать свою «параллельную реальность», ментально и эстетически потустороннюю «официальной Беларуси».

Недееспособное, атомизированное гражданское общество было, возможно, главной «ценностью», которую первый президент независимой Беларуси получил в наследство после распада СССР и которую целенаправленно культивировал, опираясь на фасадную демократию.

При этом любовь Лукашенко к плебисциту (как форме коммуникации между гражданами и сувереном) была оборотной стороной нелюбви к сообществам (партиям, объединениям, НКО и т.п.) как формам гражданской и общественной автономии. Когда в постсоветском регионе началась волна «цветных революций», режим легко справлялся с созвучными общему тренду всплесками протестной активности в рамках президентских электоральных кампаний: так было в 2006⁶ и в 2010⁷. Введенная Виталием Силицким дефиниция «превентивный авторитаризм» точно схватывала направление и эффективность работы режима с гражданским обществом.

В 2016 году по заказу международной некоммерческой организации Pact в Беларуси был проведен национальный социологический опрос «Тест на гражданственность»⁸. Ниже (таблица 1) приводятся данные из этого опроса, отражающие ситуацию по одному из ключевых моментов гражданской субъектности — вере индивида в то, что его/ее действия могут что-то изменить.

При знакомстве с результатами данного опроса важно помнить, что значительная часть опрошенных — это госслужащие. Поэтому в приводимых цифрах мы находим объяснение не только тому, что способствовало устойчивости режима «извне» (слабое гражданское общество), но и тому, что обеспечивало воспроизводство режима

⁶ См. специальный выпуск журнала *Toros*, посвященный президентским выборам 2006 года. Тема номера: Выбор и выборы. 2006, №2.

⁷ См. специальный выпуск журнала *Toros*, посвященный массовой протестной акции после проведения очередных президентских выборов в 2010 году. Тема номера: 19 декабря. 2011, №2.

⁸ Результаты опроса были опубликованы на официальном сайте организации Pact в феврале 2017. См.: https://www.pactworld.org/sites/default/files/Belarus_Civic_Literacy_Test_Memo_RU_final.pdf.

Таблица 1.

Как вы считаете, ваш личный выбор и поведение (действия или бездействие) влияют на что-либо в Беларуси?		
	Согласен с утверждением, %	Не согласен с утверждением, %
Влияют на качество моей личной жизни	27,2	72,8
Влияют на качество моей личной жизни и жизни моей семьи, родных и близких	33	67
Влияют на политику местных органов власти	1,4	98,6
Влияют на решения высших органов власти и государственную политику	1,2	98,8
Нет, не влияют — в Беларуси всё решает государство	64,1	35,9
Затрудняюсь ответить/отказ от ответа	7,8/1,1	

«изнутри». Работа государственных институций осуществляется за счет послушной конформности индивидов авторитарным паттернам. Последние, с одной стороны, опираются на дефицит субъектности (agency) у госслужащих, а с другой стороны, сами постоянно осуществляют депривацию субъектности. На вопрос «Кто в Беларуси является единственным источником государственной власти и носителем суверенитета, согласно Конституции Республики Беларусь?» 54,9% опрошенных ответили «президент», и только 33,1% ответили «народ». Устойчивость белорусской авторитарной власти разоблачает определенную утопичность кантовских надежд на различение частного и публичного пользования разумом. Такое различие выглядит слишком схематичным и наивным, так как не учитывает, что человек, ответивший «президент», не станет ничего предпринимать в публичной жизни именно потому, что уверен — и политически обездвижен тем, — что

«всё решает государство». Пример постсоветской Беларуси убедительно показал, что для культивирования гражданской субъектности и формирования дееспособного гражданского общества требуется не только просветительская работа, но и широкая группа людей, занятых в негосударственном секторе — то есть не скованных силками государственной авторитарной модели.

С течением времени экономические сложности, с которыми в силу разных причин (перебои с российской финансовой помощью, глобальный экономический кризис, откладывание реформ) сталкивался режим, привели к тому, что концепт социального государства стал всё больше приобретать черты идеологического мифа. В свою очередь, сложившаяся вокруг «вертикали власти» система государственного капитализма сильно ограничивала развитие свободного предпринимательства. Всё это вызывало в обществе фрустрирующий эффект, заставляя переключаться в режим выживания — не только в экономическом смысле, но и в морально-психологическом, потому что всякое креативное начинание наталкивалось на сопротивление государственной бюрократической машины⁹. После 2010 года в обществе росло понимание того, что фундаментальной проблемой белорусских властей является кризис репрезентации. Критическим является отсутствие систематической функциональной взаимосвязи между государственным аппаратом и гражданским обществом. Авторитарная власть не заботится о получении постоянной обратной связи от общественности, не принимает во внимание интересы и мнения граждан. Сложился

⁹ Это привело к возрастанию апатии и депрессивных настроений в обществе. См.: Щитцова Т., Артимович Т., Ковтык Е., Полещук И. *Без будущего. Депрессия и авторитарное общество*. Вильнюс: Logvino literatūros namai, 2020.

такой тип авторитарного правления, который строился на системном неуважении к гражданам — на их политическом бесправии. Граждане принимались во внимание в первую очередь как способная к воспроизводству рабочая сила и как налогоплательщики — то есть в категориях демографии и экономики. В политическом плане они рассматривались только как электоральные голоса в рамках регулярных «аппаратных инсценировок “народного волеизъявления”»¹⁰.

Последний период относительной либерализации общественной жизни (2015–2019) позволил «параллельной» — неофициальной — Беларуси осознать собственный кооперативный созидательный потенциал, который раскрывался через многочисленные низовые (grassroots) инициативы самых разных некоммерческих НГО и локальных сообществ по всей стране¹¹. Многие из проектов (включая краудфандинговые платформы) предполагали социальное партнерство бизнеса и представителей разнообразных культурных и экспертных областей¹². Появление

¹⁰ Фурс В. Беларуская «реальность» в системе координат глобализации (постановка вопроса). *Toros*, 2005, № 1. С. 16.

¹¹ См.: Шелест О., Егоров А., Смоляноко О. Гражданское общество Беларуси: актуальное состояние и условия развития. *Отчет по результатам исследования*, 2018: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2018/10/11/grazhdanskoe-obschestvo-belarusi-aktualnoe-sostoyanie-i-1810110900.html>; Шэлест А., Казанецкі П. *Беларуская грамадзянская супольнасць 2015–2021: ад стабільнага развіцця да новых выклікаў*. Варшава: Выдавецкае агенцтва «ЭкаПрэс», 2022; Poleschuk S. “Communication Explosion” in Authoritarian Minsk: Public Lectures, Counterpublics, and Counterspaces. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. A New Land: Rediscovering Agency in Belarusian History, Politics and Society*, 2017, Vol. 3, № 1. P. 81–114.

¹² См.: Егоров А., Шелест О., Водолажская Т. Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси. *Отчет по результатам исследования*, 2020: <https://cet.eurobelarus.info/ru/>

в белорусской экономике отдельного «класса» айтишников добавляло ощущение новых возможностей, свободно вплетающих белорусскую интеллектуальную продукцию в глобальную транснациональную коммуникацию. Антиковидная мобилизация общественности весной 2020 стала убедительным доказательством того, что гражданское общество в Беларуси представляет собой автономную дееспособную силу. Как отмечает Оксана Шелест: «В реакции общества на экзистенциальную угрозу пандемии первые проявились и визуализировались (для самого же общества) «мощности» сетевых связей и инфраструктур, накопленный опыт краудфандинга вышел на новый уровень, высокий уровень кооперации и взаимодействия различных субъектов привел не только к появлению новых связей, но и к расширению горизонтов представлений этих субъектов о структуре белорусского общества, других социальных группах»¹³.

Развитие и качественная трансформация гражданского общества вела также к изменению представлений белорусов друг о друге: через совместные инициативы происходила сонастройка индивидуальных ценностей и нормативных горизонтов, которая позволяла лучше узнать друг друга и закрепляла взаимное признание¹⁴. В 2020 эта сонастройка достигла высочайшего уровня, отраженного в формуле «беларус беларусу беларус», которая указывала на существование определенного этического кода гражданственности, основанного на разделяемых ценностях. В этом от-

library/publication/2020/08/03/innovatsionnyy-biznes-kak-faktor-sotsial-nyh-transformatsiy-v.html.

¹³ Шелест О. «Публика», «сообщества» и «сети» как типы социальной организации белорусского гражданского общества (манускрипт).

¹⁴ См.: Honneth A. *The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts*. Polity Press, 1995.

ношении стоит обратить внимание на еще один вопрос в уже упоминавшемся социологическом опросе «Тест на гражданственность». Вопрос такой: *Какие черты/ценности в наибольшей степени присущи [людям] в Беларуси?* Респонденты должны были ответить на этот вопрос в двух опциях: применительно к себе и применительно к беларусам в целом. В качестве вариантов для ответа предлагались следующие ценности: *законопослушность, уважение человеческой жизни, права человека, личная свобода, демократичность, инициативность и предприимчивость, социальная справедливость, толерантность, религиозность, порядок и безопасность, уважительное отношение к наследию белорусской культуры*. При ответе можно было выбрать не более трех вариантов для каждой опции. В итоге у беларусов выявилось заметное расхождение между образом себя и образом типичного беларуса. Ниже (таблица 2) приведен список четырех приоритетных ценностей/черт по каждой опции.

Таблица 2.

Топ 4 лично для меня	%	Топ 4 для беларусов	%
Уважение человеческой жизни	50,0	Законопослушность	45,2
Права человека	43,1	Толерантность	32,0
Законопослушность	40,4	Порядок и безопасность	23,9
Личная свобода	40,2	Права человека	20,5

Далее (таблица 3) приведены еще более поразительные результаты по трем ценностям, которые в 2020-м лягут в основание массового протестного движения.

Как мы видим, в 2016 году беларусы — каждый/каждая индивидуально для себя — отдавали приоритет названным трем ценностям, но при этом не верили, что это может быть

Таблица 3. Какие черты/ценности в наибольшей степени присущи [людям] в Беларуси?

	Наиболее важ- ны лично для меня %	В наибольшей степени прису- щи белорусам %
Уважение человеческой жизни	50,0	18,0
Права человека	43,1	20,5
Личная свобода	40,2	14,6

свойственно всем белорусам. В плане морального сознания мы, белорусы, были не очень высокого мнения о... белорусах, однако же в опции личного выбора большинство из нас заявило как раз довольно высокую планку моральных приоритетов. На уровне общества мы видим здесь специфическую форму перформативного противоречия: данные первой колонки опровергают данные второй — и наоборот. Мы сами с собой не сходились. Есть вполне убедительное объяснение зафиксированному разрыву в данных, это — дефицит гражданского взаимодействия и горизонтальных обновляемых связей. Этот разрыв — яркое проявление атомизации общества. Без систематического опыта кросс-секторальной кооперации и участия в публичных гражданских мероприятиях не может отстроиться разделяемый позитивный образ коллективной идентичности. В 2020 мы решительно закрыли этот разрыв. Кодовой фразой, запускавшей новое социальное воображаемое, стала: «мы не знали друг друга до этого лета»¹⁵.

¹⁵ Примечательно, что параллельно с нашим новым коллективным самопознанием появились публикации, представляющие итоги Седьмой волны Всемирного обзора ценностей — международной исследовательской программы, инициированной Робертом Инглхартом и Кристианом Вельцелем. Согласно данным очередного исследования, затрагивающего период 2017–2022, в Беларуси произошел

Уже предвыборная кампания ясно показала, что общество выросло из «социального контракта», на котором базировалось прежнее относительно мирное сосуществование граждан с режимом: политическая пассивность/лояльность в обмен на базовые социальные блага. Важно понимать, что «социальный контракт» — это воображаемый принцип, который далеко не всеми осознавался. Сложившийся социально-политический порядок функционировал и воспроизводился именно благодаря тому, что самые разные социальные акторы в своем поведении «по умолчанию» соотнобразывались с прагматической целесообразностью указанного обмена. Большинство граждан даже никак не рефлексировало на этот счет. Сами того не осознавая, люди просто жили в соответствии с изложенной моделью договора, приспособляясь к специфике авторитарного режима. Предвыборная президентская кампания 2020 года показала, что значительная часть граждан притязает на активное политическое участие — на то, чтобы быть *zoon politikon*. События, произошедшие после выборов 9 августа, перевели это притязание на уровень международного протестного движения.

Название книги — *Солидарность потрясенных* — фиксирует момент травматического генезиса беспрецедентной политической солидарности в нашем обществе.

значимый сдвиг в пользу ценностей самовыражения в противоположность ценностям выживания. См.: WVS Wave 7 (2017–2022), <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>. Теоретические основания глобального исследования ценностных трансформаций изложены здесь: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство, 2011. О ценностных изменениях в белорусском обществе до 2020 года см. также: Урбан Д. Ценности населения Беларуси: результаты национального опроса населения. Исследовательский центр ИПМ, 2019. https://www.research.by/webroot/delivery/files/SR_19_01.pdf.

Вместе с тем оно вписывает события в Беларуси в исторический контекст важных политических процессов в Центральной и Восточной Европе, связанных с борьбой против коммунистических режимов. Само выражение «солидарность потрясенных» отсылает в первую очередь к идеям чешского философа Яна Паточки, одного из основателей и первых подписантов Хартии 77. В свою очередь, слово «солидарность» ассоциируется с названием объединения независимых профсоюзов в Польше — знаменитой *Solidarność*, которая после массового забастовочного движения вынуждена была на восемь лет уйти в подполье, чтобы в 1989 вернуться к открытой деятельности и превратить Польшу в настоящую *res publica*. После подавления протестного движения 2020-го польский опыт борьбы за демократию стал для нас важной моральной опорой: мы хотели бы верить, что тот опыт солидарности, через который прошло белорусское общество в 2020-м, позволит нам выдержать тяжелые исторические испытания и также, в конце концов, построить независимую демократическую Республику Беларусь. В нашем регионе у белорусского демократического движения были и другие ориентиры для сравнения и учёта коллективного политического опыта: это, конечно, и Литовский *Sąjūdis*, и украинская Революція гідності. «Литовский» не случайно написано с большой буквы — таково было полное название организации: *Lietuvos Sąjūdis* — Литовское Движение¹⁶. Несмотря на то, что эти два примера разделяет 1991 год, их связывает общая политическая цель — национальное освобождение: в первом случае от советского, во втором — от российского подчинения. В обоих случаях мобилизация национального патриотизма сочеталась с европейским выбором,

¹⁶ Первоначальное название этой организации, созданной в 1988 году, было: Литовское движение за перестройку.

то есть национальное продвигалось и мыслилось как европейское.

В Беларуской революции 2020-го эта сдвоенная формула — «национальное как европейское» — уже присутствовала, работала, но не в виде открытых программных заявлений, а скорее как сущностная импликация разворачивавшихся процессов. Особенность нашего протестного опыта заключается в том, что национальное сознание было не предпосылкой революции, а ее эффектом; европейский выбор был не эксплицитным политическим приоритетом, а культурной импликацией, которая была осознана и переведена на язык политической программы после полномасштабного военного вторжения России в Украину при содействии режима Лукашенко.

Мой главный интерес в этой книге — это Мы: плюральное демократическое множество граждан и гражданок, выступивших — в той или иной форме — против насилия и беззакония режима в 2020-м. Говоря научным языком, меня интересует становление нового коллективного политического субъекта, который в своей протестной риторике мог определять себя «Мы беларусы!» и выдвигать политические требования, опираясь на конституционное «Мы, народ...», то есть на конституционное право быть источником и носителем суверенитета Республики Беларусь. Я пытаюсь проанализировать ключевые предпосылки и структурные условия, которые сделали возможной Беларускую революцию и в первую очередь — появление солидарного протестного сообщества, имеющего право определять себя как «народ» в конституционном смысле.

Книга состоит из двух частей: в первой анализируются события, предшествовавшие дню голосования на президентских выборах 9 августа 2020-го, во второй — то, что

произошло после голосования. Пространство между «до» и «после» надо трактовать символически, а именно — как *atoron*, место, которого нет, но которое надо вообразить, чтобы поместить там главный философский вопрос: откуда и каким образом появляется новое «Мы»? В *Заключении* я показываю, каким образом Белорусская революция актуализировала вопрос национального самоопределения. Речь идет о том, чтобы соотнести понятие протестного сообщества (плюрального Мы) с понятием нации. Необходимость такого соотнесения была имплицитно заложена в самой логике постэлекторального политического антагонизма.

Тот факт, что главный вопрос определен как философский, не мешает полидисциплинарному характеру исследования. В ходе анализа я задействую подходы социальной и политической теории, социологии и антропологии. Во второй части используются материалы полуструктурированных интервью, которые были проведены с ноября 2020 по январь 2021 года. При подготовке книги были использованы две статьи, ранее опубликованные мной в специальном выпуске философско-культурологического журнала *Toros* (№2, 2021). Первая — «Преодолевая авторитаризм: path-dependence и новая гражданственность» (предисловие к номеру) — легла в основание Введения. Вторая — «Суверенная власть и этика ненасилия: структурные основания гражданской мобилизации в Беларуси» — содержит ключевые тезисы, изложенные во второй части книги.

В методологическом плане принципиально важно обозначить, откуда и как я, в принципе, выхожу на анализ белорусского революционного опыта, откуда говорю и какой тип рефлексии практикую. Исходной точкой для меня является непосредственный опыт участия в событиях,

которые я берусь анализировать. Прояснение смысла произошедших событий важно для нашего коллективного самопонимания, для осознания прорывов и перспектив, которые принесла с собой Беларуская революция. Поэтому данную книгу можно рассматривать как особый пример ангажированного мышления, где ангажированность означает отнюдь не партийность (у нашей революции не было никакой «руководящей партии»), а заинтересованную вовлеченность в конкретный событийно-исторический контекст. Такая вовлеченность не отменяет возможности мыслить аналитически, но она формирует определенный тип мышления. Бахтин называл его *участным*, предполагая тем самым что само мышление может пониматься как практическое действие, поступок¹⁷. Участность означает, что мыслящий субъект не абстрагируется от мира, а соотносит свое мышление с конкретной ситуацией, в которую он вовлечен вместе с другими и должен отвечать на её вызовы, опираясь на определенные ценности и императивы. Схожий подход отстаивал и Хабермас, когда полагал, что критическая социальная теория должна руководствоваться «эмансипаторским интересом», отказываясь тем самым от методологической ценностной нейтральности. В этом же ключе развивается современная критическая феноменология — направление, сочетающее описание структур повседневного опыта с критическим анализом символического и институционального контекста, в котором этот опыт разворачивается. Во всех названных примерах речь идет о специфической задетости определенными событиями и явлениями, с которыми мы сталкиваемся в мире, в обществе, и о том, что такого рода задетость может обеспечивать не только мотивацию, но и навигацию

¹⁷ Бахтин М. К философии поступка. В: Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994.

для рефлексии. И тогда, как писал Макинтайр, «каждый фрагмент теоретизирования и каждое выражение веры» будет «политическим и моральным действием»¹⁸. Участное мышление, или мышление-действие, можно еще назвать воплощенным. Для данной книги это означает в первую очередь, что она написана в интересах того нового коллективного политического субъекта, генезис которого она берется описать.

20.12.2023

Вильнюс

¹⁸ Ср.: «не должно быть двух историй, одной — политических и моральных действий, а второй — политического и морального теоретизирования, потому что существует лишь одно прошлое, а не два, одно из которых населено только действиями, а второе — только теориями. Каждое действие является носителем и выразителем более или менее теоретически нагруженных верований и концепций; каждый фрагмент теоретизирования и каждое выражение веры является политическим и моральным действием». (Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. Москва: Академический проект, 2000. С. 87.)

ЧАСТЬ 1

ОБОСТРЕНИЕ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ В ПРЕДВЫБОРНЫЙ ПЕРИОД

Глава 1. Живое и мертвое. Пандемия и биополитика

Для большинства стран мира главным событием — и главной катастрофой — 2020-го стала пандемия коронавируса. Очень быстрое распространение вируса и его поражающая способность повсеместно вызвали проседание систем государственного управления, связанных с социальной и медицинской сферами, резкий экономический кризис, обострение социального неравенства, стремительное перекраивание привычных поведенческих паттернов и нормативного поля повседневной жизни. Все эти потрясения привели к глобальной сфокусированности на пандемии — она надолго стала вопросом «номер один» в повестке всех государств.

Однако в Беларуси политические события, связанные с выборами президента, потеснили пандемию как перво-степенную общественную проблему. Пока для людей всего мира на первом плане оставался вопрос о том, как справиться с пандемией и минимизировать её разрушительные последствия, для нас, начиная с первых задержаний активистов во время предвыборной кампании, главной «злойбой

дня» стала нарастающая политическая конфронтация и репрессии. Преображенная пандемией повседневность, пронизанная страхами и страданиями огромного количества людей, оказалась погружена в контекст усиливающегося политического противостояния между официальной властью и гражданским обществом¹⁹. Более того, сама реакция на первую волну пандемии — как со стороны государства, так и со стороны общества — стала значимым фактором, повлиявшим на рост протестных настроений и дальнейший ход политических событий в этом году²⁰. Мы стали смотреть на ситуацию с пандемией через призму актуальной политической повестки — острого недовольства действующей властью и возможности её смены через институт выборов.

Как и во всех других странах, в Беларуси пандемия коронавируса подтвердила известную истину: кризисная ситуация вскрывает слабые места и изъяны в общественном устройстве: плохо работающие институты, дефицит материальных средств, различные формы социальной несправедливости. Поэтому глобальное распространение вируса сработало как своего рода усилитель восприятия: оно обострило этическую, социальную и политическую чувствительность людей, вызвав новую волну критического неприятия по отношению к тому, о чем было известно и ранее: что есть особо уязвимые социальные группы, которые

¹⁹ В этой связи опыт белорусского общества заслуживает отдельного исследования на предмет того, что такое «чума во время революции», то есть как фактическая социально-политическая ситуация в стране влияла на восприятие пандемических реалий, соответствующий социальный и экзистенциальный опыт.

²⁰ См. Егоров А., Шелест О. Беларусь в ситуации эпидемии COVID-19: характер реакции на проблему государства и общества. Отчет по результатам исследования. 2020: https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/5/CET/2020_COVID-19.pdf.

не получают должную поддержку; что коррупция препятствует развитию социальных институтов; что авторитарное правление склонно к злоупотреблению кризисной ситуацией и т. д. Вирус словно навел увеличительное стекло на многие социальные патологии современного мира, заставив людей в разных странах с новой силой осознать, что эти патологии не являются чем-то само собой разумеющимся, что они не должны становиться чем-то привычным, что они — предмет общего несогласия. Это экстраординарное обострение коллективной чувствительности в отношении различных социальных зол содержало в себе сильный запрос на перемены и стало главным двигателем в умножении публичных размышлений на предмет уроков пандемии и того, как изменится мир после пандемии. Ситуация в Беларуси отличалась тем, что обострение коллективной чувствительности вылилось в гражданские инициативы самопомощи, которые разворачивались как *альтернатива* по отношению к поведению и (без)действию властей — альтернатива не только организационная (функциональная), но и этическая.

§ 1. Политика жизни. Шанаваць

Первая официально зафиксированная смерть от ковида в Беларуси была датирована 31 марта 2020. Весной 2020 Лукашенко сделал несколько одиозных заявлений касательно ситуации с пандемией, включая публичные глумления над заболевшими и умершими от коронавируса. Риторика Лукашенко некоторое время служила оправданием беспомощности госбюрократов, столкнувшихся с необходимостью принимать экстренные решения. Высокие чиновники не только обнаружили поразительную

недееспособность, но еще и вели себя таким образом, что стало предельно ясно, что у этого бюрократического аппарата напрочь отсутствует способность воспринимать живых людей — вникать в их ситуацию, понимать и откликаться, по-человечески сопереживать. Именно тогда, в первую волну пандемии, в нашем обществе произошел решающий водораздел на Живое и Мертвое: живое встряхнулось, обрело тонус, сгруппировалось и стало делать всё возможное, чтобы помочь врачам спасти как можно больше людей; мертвое выработало «официальную линию» для взаимодействия с ВОЗ и... принялось самыми разными способами прессовать медицинских работников — за самостоятельные решения, за утечку информации о распространении пандемии и дефиците защитных средств, за принятие помощи от НГО и волонтеров, за гражданскую позицию.

Врачи совершенно не случайно оказались в авангарде массового гражданского протеста летом 2020-го. Ещё весной они, определённо, лучше других прочувствовали весьма специфическую биополитическую подоплеку правящего режима: пока медики по несколько дней не выходили из больниц, сражаясь за жизни заразившихся вирусом, власть занималась организацией субботника, футбольного чемпионата и парада. Мёртвое определить не сложно: между жизнями людей и самоутверждением оно всегда выбирает самоутверждение — циничное и самоуверенное. Мёртвое утверждает за счёт Живого. Живое не имеет для Мертвого никакой другой ценности, кроме сугубо инструментальной: параду Победы нужны зрители и ветераны, футбольному матчу — болельщики. Специфическим — можно сказать: антимодерным — в этом распоряжении живым является его иррациональность: используя, инструментализуя наши жизни, Мертвое выходит за рамки всякой